

# ПАМЯТЬ I ВТОРАЯ ПАМЯТЬ

ЕСЛИ ТЫ ПОМНИШЬ ТО,  
ЧЕГО НЕ БЫЛО, ЗНАЧИТ,  
ГДЕ-ТО ЖИВЁТ ДРУГОЙ ТЫ.



03:17  
ПОМНИ



НИКИТА ДАНИЛОВ

Никита Данилов

**Вторая память**

«Автор»

2026

**Данилов Н.**

Вторая память / Н. Данилов — «Автор», 2026

Что, если самое страшное воспоминание в твоей голове принадлежит не тебе? Виктор привык доверять фактам. Записям, времени, последовательности событий. Но однажды утром он просыпается после необычайно реалистичного сна о месте, в котором никогда не был. Чужая кухня. Синяя кружка со сколом. Женщина, лица которой он не успевает увидеть. Низкий гул за стеной. Слишком много деталей для обычного сна. Виктор начинает проверять собственную память и вскоре замечает нечто гораздо более тревожное: некоторые воспоминания существуют в его сознании с той же уверенностью, что и события его собственной жизни. Он знает расположение комнат, которых никогда не видел. Помнит движения, которых никогда не совершал. Узнаёт вещи, которые не должен узнавать. Если эти воспоминания не его, тогда кому они принадлежат?

© Данилов Н., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| ЧАСТЬ I. СБОЙ                     | 5  |
| ГЛАВА 1. КОФЕ БЕЗ КРЫШКИ          | 5  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 21 |

# Никита Данилов

## Вторая память

### ЧАСТЬ I. СБОЙ

#### ГЛАВА 1. КОФЕ БЕЗ КРЫШКИ

Кружки стояли в шкафу над мойкой. Четыре белые, одна синяя. Синяя была тяжелее остальных, с мелким сколом на краю. Если провести по нему большим пальцем, кожа цеплялась за шероховатость.

Виктор потянулся к ручке шкафа, но женщина у окна сказала:

«Не бери эту. Я еще не помыла».

Он видел только ее спину. Темные короткие волосы, светлая футболка, левое плечо чуть выше правого. За окном шел дождь, хотя по подоконнику бил сухой тополиный лист. Створка закрывалась неплотно и каждые несколько секунд вздрагивала с мягким деревянным стуком.

«Ты опять оставил окно».

Виктор хотел ответить, что окно закрыто. Он сам проверял. Нужно было прижать раму коленом, повернуть ручку вниз и немного вернуть обратно, иначе язычок не попадал в паз. Он делал это много раз.

Из стены шел низкий гул. Не громкий, но такой ровный, что все остальные звуки начинали казаться его неровностями: дождь, лист, вода в трубе, дыхание женщины.

Она обернулась.

Виктор проснулся до того, как увидел лицо.

Несколько секунд он лежал, не открывая глаз. В батарее у стены гудела вода. Звук был выше, с мелким дребезгом на стыке труб. Никакого дождя не было. Из окна гостинной тянуло обычным октябрьским холодом.

Он нашел рукой часы на полу возле дивана. Как всегда, стеклом вниз. Перевернул: без семи семь.

Телефон лежал под подушкой. Ночью Виктор включил выпуск про исчезнувшую экспедицию и уснул на середине. Теперь ведущий шепотом объяснял, почему дневники двух участников расходились в датах. Виктор остановил запись и несколько секунд слушал квартиру. Холодильник на кухне включился, сверху у соседей коротко прошла вода. Больше ничего.

Сон держался удивительно хорошо. Не сюжет, его почти не было, а устройство кухни. От двери до мойки три шага. Холодильник слева, узкий, выше Виктора примерно на ладонь. Под окном стол. Одна ножка короче, поэтому дальний угол нужно подпереть сложенным картоном. Белые кружки над мойкой, синяя справа от них.

Он провел большим пальцем по подушечке. Шероховатость скола еще чувствовалась.

Виктор попробовал вернуться к последней секунде сна, не двигаясь и не открывая глаз. Обычно лицо появлялось, если не торопить память: сначала свет на щеке, потом линия носа, затем взгляд. На этот раз женщина каждый раз начинала поворачиваться заново. Плечо уходило назад, волосы открывали шею, но движение обрывалось в одном месте, словно дальше записи не существовало.

Он сменил способ. Не лицо, а голос. Фраза про немытую кружку звучала близко и буднично. Женщина не предупреждала, не объясняла и не пыталась напугать. Она говорила с человеком, который много раз брал посуду не с той полки. В интонации была не злость, а усталое право не договаривать очевидное.

Виктор мысленно ответил ей: «Тогда помой». Ответ не подходил. Он никогда не сказал бы так Дарье, даже в последние месяцы брака, когда каждое бытовое замечание уже содержало старый спор. Не сказал бы матери. Соне тем более. Во сне ответ существовал где-то рядом, но принадлежал человеку, которым Виктор не умел быть после пробуждения.

Он открыл глаза и посмотрел на потолок. Над диваном тянулась тонкая трещина от стены к люстре. Виктор знал ее изгиб, серое пятно возле крепления, маленький отросток вправо. Чужая кухня не вытесняла эту комнату. Она помещалась рядом с ней с той же уверенностью.

На полу возле стола лежала раскрытая коробка с кабелями. Вчера Виктор искал переходник для домашней колонки и оставил все как есть. Черный провод уходил под кресло, белый был стянут резинкой, короткий красный не подходил ни к одному устройству в квартире. Он хранил его четыре года, потому что выбросить неизвестный кабель означало признать, что назначение уже не вспомнится.

Виктор взял красный провод и попытался связать его со сном. Ничего. Затем коснулся холодного металла штекера и неожиданно вспомнил ручку синей кружки. Отверстие было узким, палец не проходил до конца. Связь оказалась мгновенной и нелепой. Он положил провод обратно.

На прикроватной тумбе стоял стакан воды. Виктор отпил и почувствовал слабый привкус пыли. Во сне вода из крана пахла железом, хотя крана он не открывал. Это знание пришло только сейчас. Оно могло быть достроено из гула трубы или старой квартиры матери, где после отключений вода всегда шла рыжей. Виктор произнес вслух:

«Вода пахнет железом».

Комната не ответила. Фраза прозвучала как заметка актера перед дублем.

Он включил диктофон на телефоне и описал кухню от двери, не закрывая глаз. Три шага до мойки. Слева холодильник. Справа узкая полка, которую раньше не вспоминал. На ней банка с деревянной крышкой и упаковка соли. Стол под окном. Синий край полотенца на батарее. Когда закончил, прошло две минуты сорок секунд.

Виктор прослушал начало. Собственный сон в пересказе стал квартирой из объявления: предметы, расстояния, недостатки. Исчезло главное, чего он не мог назвать. Он не был гостем в этой кухне. Тело не осматривалось и не искало выход. Оно знало, куда поставить ногу, чтобы не задеть короткую ножку стола.

Он добавил это к записи и сразу усомнился. Во сне можно знать любое место. Человек без удивления входит в школу, построенную внутри вокзала, и только после пробуждения понимает, что коридор не мог там находиться. Знакомство с пространством было свойством сна, а не доказательством чужой жизни.

Виктор назвал файл `утро\_кухня`, затем переименовал в `2029-10-06\_0649\_сон`. Первое название уже содержало вывод, второе только время и источник. Он перенес файл в папку заметок и отключил автоматическую выгрузку в облако. Не потому, что запись была тайной. Ему не хотелось, чтобы через год незнакомая программа предложила ее в подборке воспоминаний с подписью «ваша кухня».

Он снова попытался представить лицо женщины. На этот раз появилось отражение в темном окне: светлое пятно вместо черт и две кухни одна за другой. Виктор прекратил. Каждая попытка не возвращала образ, а создавала новый.

Виктор сел и сразу наступил на кабель зарядки. Телефон выскользнул из руки, ударился о край дивана и остался висеть над полом. Трещина в левом нижнем углу не стала длиннее. Он проверил дважды.

На экране было сообщение от Дарьи, полученное вчера в 22:18.

«Ты завтра Соню забираешь?»

Сообщение было прочитано. Ответа не было.

Виктор помнил, как написал: «Да, к шести». Помнил даже, что исправил «шести» после случайной буквы. Видимо, отвлекся до отправки.

Он набрал заново:

«Да. Буду к шести».

Три точки появились сразу.

«Не к шести. У нее до шести музыка. Забери в 18:15 у бокового входа».

Виктор посмотрел на сообщение, потом на собственное «к шести». Вчера она, кажется, писала именно про шесть. Он открыл переписку выше. В пятницу Дарья действительно прислала расписание: музыка до 18:00, выход через боковую дверь. Он поставил напоминание на 17:40 и написал:

«Помню».

Дарья ничего не ответила.

В ванной Виктор почистил зубы, не включая верхний свет. Лампа над зеркалом делала лицо плоским и подчеркивала серую кожу под глазами. Он провел ладонью по щеке, решил не бриться и через секунду достал станок. Дарья всегда замечала такие мелочи не потому, что ей было важно, побрился ли он, а потому, что по ним угадывала, сколько часов он спал. Потом задавала вопрос, на который уже знала ответ.

На стиральной машине лежала Сониная резинка для волос, ярко-желтая, с растянутой тканью. Виктор положил ее в карман рюкзака, чтобы вечером отдать, и сразу создал напоминание: «Резинка. Соня». Под ним стояли еще три невыполненных: оплатить хранилище, купить батарейки в часы, позвонить электрику насчет розетки в детской. Последнее он переносил с августа.

Он добавил четвертое: «18:15 боковой вход». Проверил громкость сигнала, затем поставил резервное напоминание на 17:45. Система предупредила, что события находятся слишком близко. Виктор все равно сохранил оба.

На кухне было слишком светло. Окно выходило во двор, и серое небо лежало между домами ровным прямоугольником. Виктор закрыл створку, хотя она и так была закрыта, затем поставил чайник.

Банка кофе не открылась с первого раза. Крышка сидела криво, как всегда, когда он не дожимал ее до щелчка. Виктор поддел край ногтем, насыпал две ложки в турку и снова прикрыл банку. Щелчка не было. Он услышал это, но возвращаться к ней не стал.

На сушилке стояли две чашки. Белая с рекламой банка и небольшая серая, которой обычно пользовалась Соня. Виктор вытер обе полотенцем и убрал в шкаф. Его шкаф был справа от вытяжки, а мойка находилась у противоположной стены.

Серая чашка не дошла до шкафа. Во сне мойка была под ним. Это простое различие раздражало сильнее женщины у окна. Мозг редко соблюдал планировку. В школьные годы Виктору несколько раз снилась квартира бабушки с балконом из их старого дома, и никого это не удивляло.

Кофе поднялся раньше, чем он успел убавить огонь. Пена перелилась на плиту. Виктор выругался, снял турку и вытер конфорку бумажным полотенцем. Пока пил у окна, проверил почту.

Два письма от студии, одно от сервиса, который второй месяц напоминал об оплате облачного хранилища, счет за электричество. Марк прислал ночью ссылку на папку с названием `river\_import\_3` и сообщение:

«Все залилось. Не открывай целиком, там мясо. Утром покажу».

Виктор помнил эту папку. Накануне, уходя из студии, он проверил автоматический импорт: десятки старых интервью, записанных на разные устройства, с разной частотой и уровнем шума. Он включил один файл на несколько секунд. Женский голос говорил о доме, который снесли ради дороги. На фоне хлопнуло окно.

Вот и кухня.

Виктор открыл заметки и записал четыре слова: «окно, синяя кружка, низкий гул». Сны он не записывал с университета, когда несколько недель пытался доказать однокурснице, что способен возвращаться в один и тот же город. Город каждый раз менялся, а Виктор объяснял изменения плохой памятью. Однокурсница сказала, что тогда доказательство устроено так, чтобы никогда не проиграть. Он перестал вести записи не из-за ее правоты, а потому, что стало стыдно перечитывать.

Сейчас заметка требовалась не для доказательства. Если к вечеру детали исчезнут, он хотел понимать, насколько точным был сон утром. Виктор добавил: «женщина, короткие темные волосы, левое плечо выше». Подумал и удалил последнее. Плечо могло казаться выше из-за позы.

Остались предметы и звук. То, что можно было бы проверить, если бы существовало место проверки. Объяснение было настолько аккуратным, что Виктору стало легче. Он допил кофе и посмотрел на часы. Уже семь двадцать четыре.

Серый хэтчбек стоял во дворе под голыми ветками. Виктор сел, повернул ключ. Панель загорелась, стартер щелкнул и замолчал. Со второй попытки произошло то же самое. «Отлично».

Он открыл капот, хотя знал, что ничего полезного там не сделает. Пошевелил клемму аккумулятора, вытер пальцы старой салфеткой и попробовал еще раз. Машина завелась, но магнитола сбросила время на полночь.

Виктор выключил двигатель. До вечера аккумулятор мог окончательно сесть, а после работы нужно было забирать Соню. Он запер машину и пошел к метро.

Дворник сгребал сухие листья в кучу, которая тут же расплзлась по асфальту. Было холодно, но не по-ноябрьски, как показалось из квартиры. На остановке женщина держала расстегнутое пальто и листала новости одной рукой. Двое школьников ели мороженое. Виктор расстегнул куртку.

В метро он достал телефон и снова открыл сообщение Марка. `river\_import\_3`. В папке было двести восемнадцать файлов. Первый, который он слушал вчера, назывался `g11\_04\_house.wav`. Виктор нажал на него.

Женщина заговорила сразу, с середины фразы:

«...а кухню дед сам переделывал, поэтому окно до конца не закрывалось. Мама подкладывала тряпку, когда ветер».

Голос был пожилой. Не тот, что во сне. Виктор прибавил громкость. На фоне прошла машина, кто-то поставил стакан на твердую поверхность. Окно не хлопало.

Он перемотал ближе к концу. Женщина рассказывала, как после сноса дома потеряла соседку из виду. Ни кружек, ни дождя, ни мужчины на кухне.

Следующий файл был мужским интервью о работе речного вокзала. Третий оказался пустым. На четвертом две женщины спорили, кому принадлежит фотография двора.

Виктор закрыл папку. Мозгу хватило одного предложения про окно, остальное он построил сам. Синяя кружка могла быть из студии, дождь из выпуска про экспедицию, женщина вообще откуда угодно.

Но он по-прежнему знал, как закрывалась та рама.

Виктор открыл новую заметку и нарисовал пальцем схему запора: ручка, язычок, ответная планка. Рисунок получился детским, но последовательность движения он записал точно. Прижать коленом. Повернуть до упора. Вернуть на несколько градусов. Только после этого отпустить раму.

Он поискал фотографии старых оконных механизмов. Подходящих нашлось десятки. Почти каждый требовал похожего движения, если дерево разбухло от влаги. Виктор сохранил две картинки, затем удалил их: после просмотра он уже не смог бы понять, что помнил до

поиска, а что достроил по фотографии. Он открыл историю браузера и записал время поиска рядом со схемой. Это казалось чрезмерным для обычного сна, но Виктор знал, как легко позднее приписать себе знание, полученное пятью минутами раньше из чужого снимка. В работе такая ошибка происходила постоянно. Клиент присылал расшифровку, звукорежиссер читал ее, а потом искренне слышал в помехе нужное слово.

В соседнем вагоне ребенок плакал короткими одинаковыми всхлипами. Мать уговаривала его перестать, обещая выход через две станции. Виктор услышал фразу прежде, чем разобрал слова, и на секунду женский голос совпал с голосом из кухни. Он снял один наушник. Голоса различались по высоте, возрасту и манере растягивать гласные. Сходство возникло только потому, что он его ждал.

Телефон завибрировал. Дарья переслала фотографию школьного расписания и обвела музыку красным.

«Чтобы вечером не было двух версий», написала она.

Виктор ответил: «Уже поставил два напоминания».

«Мне нужно одно появление, а не два напоминания».

Он набрал объяснение про аккумулятор, стер его и позвонил в мастерскую возле дома. Механик мог приехать только после пяти. Виктор договорился оставить ключ у консьержки, затем вспомнил, что в их подъезде не было консьержки уже три года. Женщина дежурила в соседнем доме.

Он отменил выезд мастера и записался на утро. До школы придется добираться общественным транспортом. Если выйти из студии в 17:20, запас составит почти сорок минут. Виктор поставил третье напоминание и сразу удалил первое, чтобы телефон не создавал видимость надежности количеством сигналов.

Дарья прислала знак вопроса.

«Машина не завелась. Выехать должен в 17:20. Если к пяти работа не закончена, оставляю как есть».

Ответ появился через две минуты.

«Хорошо. Только не делай из этого подвиг».

Виктор хотел написать, что обычный приезд вовремя подвигом не считает. Потом вспомнил два случая за последний месяц, когда рассказывал о пробках дольше, чем Соня рассказывала о том, чего ждала. Он убрал телефон.

На платформе «Речной» поезд остановился в тоннеле. Свет не погас, но вентиляция стала громче. Пассажиры одновременно посмотрели на табло, хотя оно продолжало показывать следующую станцию и не могло объяснить задержку. Мужчина у двери начал считать минуты по секундомеру. Через девяносто секунд состав тронулся.

Виктор отметил, что низкий звук вентиляции не похож на гул сна. Здесь частота слегка менялась при наборе мощности, там оставалась ровной. Он открыл приложение анализатора, поднес телефон к решетке и увидел несколько широких пиков вместо одной линии. Экран записал не доказательство различия, а шум всего вагона: колеса, разговоры, металлический корпус. Женщина рядом заметила график.

«Радиацию меряете?»

«Звук». «А что с ним?»

«Ничего».

Она пересела на свободное место дальше. Виктор выключил приложение. Со стороны его действия действительно выглядели как начало ответа на вопрос, которого никто не задавал.

На следующей станции он вышел на минуту раньше нужной пересадки и только у лестницы понял ошибку. Названия были похожи: «Набережная» и «Речная». Он ездил этим маршрутом четыре года. Недосып объяснял промах полностью, однако Виктор записал его в заметку с нейтральной пометкой «ошибка маршрута». Не «провал», не «чужая станция».

Пришлось ждать следующий поезд. Запас времени до студии исчез. Он мог позвонить Марку и объяснить задержку, но рабочий день не имел жесткого начала. Долг Марка давал Виктору странную свободу: он продолжал работать по расписанию человека, который сам не соблюдал платежи, и считал это доказательством собственной надежности.

На платформе продавали кофе в бумажных стаканах без крышек. Девушка за стойкой сказала, что крышки закончились утром. Виктор купил маленький американо, хотя уже пил дома. стакан обжигал пальцы. В толпе приходилось держать его перед собой, не позволяя никому толкнуть руку.

Он подумал о синей кружке. Во сне она была холодной. Не напиток, не пар, только тяжелая керамика и скол. Название главы собственной жизни могло бы возникнуть из первого предмета, но предмет не объяснял человека, который к нему тянулся.

У выхода из метро порыв ветра сорвал с поверхности кофе тонкую пленку и бросил несколько капель на рукав. Виктор вытер пятно чеком. На обратной стороне напечаталось время покупки: 08:57. Он положил чек в карман, затем остановился и достал обратно. Если хранить его ради сна, обычный путь на работу превращался в исследование. Если выбросить, позднее он мог пожалеть об утраченном времени.

Виктор сфотографировал чек и выбросил бумагу. Через десять шагов вернулся к урне, но доставать не стал.

На станции «Набережная» в вагон вошла группа студентов, и Виктору пришлось убрать телефон. Он стоял у двери, придерживая рюкзак коленом. В стекле отражался мужчина с невыспавшимся лицом и седой прядью над правым виском. Виктор пригладил волосы. Прядь осталась на месте.

До переуллка Печатников он дошел в девять четырнадцать. Металлическая дверь во двор типографии была подперта коробкой из-под бумаги. Кто-то курил у мусорных контейнеров, оставляя окурки в банке с водой. Грузовой лифт опять не работал.

На третьем этаже Марк разговаривал по телефону так громко, будто собеседник находился за стеной без аппарата.

«Нет, не двадцать минут. Двадцать две. Если вырезать еще две, у вас человек признается раньше, чем ему задают вопрос». Увидев Виктора, он поднял палец, договорил:

«Я перезвоню, когда вы найдете хронометраж, в котором причина идет перед следствием», и отключился.

На Марке были новые кроссовки с ярко-белой подошвой и старая куртка, молния которой расходилась снизу. Он посмотрел на часы над дверью.

«Ты рано».

«Они на семь минут вперед».

«Тем более. Кофе?»

«Сначала деньги».

Марк вздохнул и толкнул дверь кухни плечом.

«Ты умеешь испортить хороший вопрос правильным ответом».

«Шестьдесят три пятьсот».

«Я помню сумму».

«Ты в пятницу говорил то же самое».

«Сейчас тоже говорю в пятницу».

«Сегодня воскресенье».

Марк остановился, посмотрел на телефон, потом на Виктора.

«Тогда в ближайшую пятницу. Полина подписывает завтра, и я закрываю оба монтажа. Один перевод, без вот этих твоих трех рублей процентов».

«Там не три рубля».

«Именно поэтому я не назвал сумму».

На кухне пахло пережженным кофе и средством для мытья пола. Марк включил чайник, насыпал растворимый кофе сразу в две кружки и спросил:

«Ты архив открывал?»

«Первый файл».

«И?»

«Дом, окно, снос. Обычное интервью».

«Там не одно. Там сто восемьдесят часов сырья».

«Двести восемнадцать файлов не дадут сто восемьдесят часов».

«Вот за это я тебе и должен деньги».

Виктор взял кружку, понюхал и поставил обратно.

«Это не кофе».

«Зато закрывает потребность в кофе». «Не закрывает».

Марк выпил из своей кружки, поморщился.

«Сегодня закончи Верещагина. Архив только разложи по частоте и носителям. Завтра придет Полина, будем решать, что из этого делать». «Ты вчера написал, что там мясо».

«Потому что там люди говорят друг на друга. В одном интервью женщина рассказывает, что сосед спас ей жизнь. В другом сосед говорит, что они не были знакомы. Еще какой-то мужчина уверен, что их дома стояли на разных улицах. Все умерли, проверять не у кого. Хороший материал».

«Это плохой материал».

«Хороший материал почти всегда плохой для тех, кто внутри».

Марк сказал это без удовольствия, глядя в кружку. Виктор ждал продолжения, но тот вылил кофе в раковину и ушел звонить.

Виктор остался у мойки. На эмали раковины тянулась коричневая полоса, которую Марк каждую неделю обещал оттереть. Возле смесителя лежала крышка от банки кофе, хотя сама банка стояла на подоконнике. Он защелкнул крышку и сразу подумал о собственной банке дома. Одно и то же невыполненное движение легко могло перейти в сон без чужой кухни.

Он открыл все шкафы по очереди и сфотографировал содержимое общим планом. Чашки слева от холодильника. Чай и губки над мойкой. Запасные кабели в нижнем ящике. На одной синей кружке действительно был скол, но не на краю, а у основания ручки; кружка принадлежала Марку и была легче остальных. Виктор взял ее, провел пальцем по гладкой выемке и поставил обратно.

Сходство объясняло цвет и повреждение, но не вес, форму и положение полки. Он записал только: `в студии есть синяя кружка со старым сколом`. Слово `старая` добавил после того, как нашел фотографию кухни в рабочем чате за прошлый год. Кружка стояла возле чайника уже тогда. Сон мог собрать ее без всякой новой причины.

Из кабинета доносился голос Марка:

«Мы не просим полный бюджет. Мы просим оплатить работу, которая уже сделана».

Пауза.

«Нет, перенос релиза не возвращает нам потраченные часы».

Еще одна пауза, длиннее.

«Я понимаю вашу процедуру. Вы нашу тоже попробуйте понять».

Последнюю фразу Марк произнес тише. Виктор слышал ее много раз в разных вариантах. Клиент переносил оплату, Марк сначала злился, затем соглашался на новую дату и в тот же вечер обещал сотрудникам деньги раньше этой даты. Ложь возникала не из желания присвоить чужое. Марк каждый раз верил последнему обещанию сильнее предыдущего долга.

Виктор вернулся в монтажную и открыл таблицу собственных расходов. Аренда квартиры была оплачена. Облачное хранилище просрочено на шесть дней. На отдельном счете лежали деньги на Сонины занятия и ремонт машины. Если Марк не заплатит до пятницы,

придется выбрать между аккумулятором и частью аренды студийного оборудования, оформленной на имя Виктора.

Он закрыл таблицу. Проверка сна казалась привлекательнее не потому, что была важнее денег, а потому, что в ней можно было совершать точные действия. Измерить расстояние между шкафами. Сравнить голос. Найти источник гула. Долг оставался долгом независимо от числа открытых файлов.

Виктор поставил таймер на двадцать пять минут и вернулся к Верещагину. На сорок третьей минуте бывший директор рассказывал о ночном пожаре в приюте. Сотрудник погиб не в огне, а позже, в больнице. Верещагин трижды повторял, что дежурный самовольно запер запасной выход. Вопрос Левина звучал иначе: кто отвечал за проверку дверей.

Марк оставил в черновом монтаже только третий ответ, где слово «самовольно» производилось увереннее. Виктор вернул первый вопрос и длинную паузу перед ним. Теперь слушатель слышал, что Верещагин отвечает не на заданное, а на собственное обвинение.

Он снял наушники и представил, как женщина из сна говорит: «Не бери эту». Если вырезать все до фразы, она защищает кружку. Если оставить предыдущую реплику, которой Виктор не помнил, смысл мог измениться полностью. Возможно, он спросил о воде. Возможно, кружка была чужой. Возможно, женщина продолжала разговор, начавшийся до кухни.

Сон сохранил ответ без вопроса. Именно так работал плохой монтаж.

Виктор открыл утреннюю запись и добавил пункт: «неизвестно, что было перед первой фразой». Затем заблокировал файл от изменений. Каждое новое замечание хотелось вставить внутри исходного описания, но тогда описание перестало бы быть утренним.

Полина написала в рабочий чат: «У Верещагина после слова “проверял” пропал вдох. Верните, пожалуйста. Он там решается соврать».

Виктор нашел место. Вдох занимал меньше секунды и был почти закрыт скрипом стула. В предыдущей версии он убрал его вместе с шумом. Вернул оба.

«Не обязательно соврать», ответил Виктор. «Может, подбирает формулировку».

Полина поставила реакцию в виде поднятого большого пальца и написала: «Тем более верните».

Он сохранил новую версию. В названии добавил `v12`, хотя предыдущая была `v10`. Одиннадцатую Марк отправил клиенту без согласования и потом удалил локально, чтобы не путаться. Виктор сохранил пустую папку с этим номером. Отсутствующая версия напоминала, что последовательность файлов тоже может лгать, если видеть только то, что осталось.

В 11:16 позвонила мать. Виктор посмотрел на экран, дождался третьего сигнала и ответил.

«Ты занят?» спросила Галина Петровна.

«Да».

«Тогда чего взял?» «Что случилось?»

«Ничего. Я нашла твои зимние ботинки».

«У меня есть зимние ботинки». «Те нормальные».

Она описала коробку на антресоли. Виктор не помнил обувь: черная кожа, светлая строчка, почти новая подошва. Мать утверждала, что он оставил ее после похорон отца. На похоронах Виктор был в других ботинках, старых, с треснувшим рантом. Он помнил, как вода прошла внутрь на кладбище и носок промок.

«Приедешь, забери», сказала мать. «И лампочку купи на кухню».

«Какую?»

«Обычную».

«Цоколь?»

«Как у лампочки».

Виктор попросил сфотографировать патрон. Галина возмутилась, что для покупки лампы теперь требуется обследование квартиры, но согласилась. Перед тем как отключиться, спросила, заберет ли он сегодня Соню.

«Да. В четверть седьмого».

«Ты вчера говорил в шесть».

«У нее музыка до шести».

«Музыка всегда до без четверти».

Виктор открыл расписание Дарьи. Там стояло 18:00. Он начал объяснять, но мать уже сказала:

«Главное, чтобы ребенок не ждал», и положила трубку.

Фраза была обычной. Виктор все равно услышал в ней обвинение за все случаи сразу: школьный концерт, два опоздания к врачу, забытый выходной. Мать могла не иметь их в виду. Точный смысл разговора существовал не только в словах, но и в истории людей, а история никогда не помещалась в одну запись.

Через минуту пришла фотография лампы. Галина сняла всю кухню с противоположного угла. Над столом висел старый плафон, холодильник стоял справа, шкаф с кружками находился возле двери. Никакого сходства со сном.

В отражении окна рядом с матерью виднелся светлый силуэт. Виктор увеличил изображение. Это был телевизор в комнате, попавший в стекло. Он уменьшил фотографию и записал размер цоколя.

Мать прислала второе сообщение: «И холодильник посмотри. Опять открывается».

Виктор пообещал приехать на неделе. Не назначил день. Слово `неделя` позволяло ему выполнить обещание семь раз и столько же раз отложить. Он вернулся в чат и написал: «В среду после работы». Только затем поставил напоминание купить лампу. Ответ матери пришел быстро: «В среду меня нет до восьми». Они договорились на четверг. Дата сделала обещание неудобнее, зато впервые превратила его в действие, которое можно было пропустить. Марк вошел без стука и положил на стол распечатанный договор Полины.

«Подпись завтра. Деньги через десять банковских дней».

«Ты говорил в пятницу».

«Я говорил, что Полина подписывает. Подписывает».

«Ты связал это с оплатой».

«Потому что ожидал нормальный договор».

«Шестьдесят три пятьсот не появились из-за твоего ожидания».

Марк сел на край стола. Под ним лежал блокнот Виктора, и тот молча вытянул его.

«Двадцать отдам из аванса за рекламу», сказал Марк. «Остальное после Полины».

«Когда реклама?»

«Во вторник».

«Какой?»

Марк назвал клиента и открыл переписку. Аванс действительно обещали перечислить до второго дня съемки. Съемку назначили на ближайший вторник. Виктор записал дату и сумму, затем попросил Марка подтвердить ее сообщением, а не разговором.

«Ты мне не веришь?»

«Верю, что сейчас ты собираешься заплатить».

«Очень щедро».

«А деньги нужны не сейчас тебе, а во вторник мне».

Марк отправил сообщение, не вставая. Виктор сохранил его, но не почувствовал облегчения. Зафиксированное обещание оставалось обещанием.

«Что с машиной?» спросил Марк.

«Аккумулятор или клемма. Завтра посмотрят».

«Возьми мою вечером».

«У тебя страховка ограниченная».

«Тогда я заберу Соню».

Виктор поднял голову. «Нет».

Марк усмехнулся.

«Я просто предложил». Предложение было разумным. Марк знал Соню, она несколько раз бывала в студии, Дарья могла согласиться. Виктор отказался быстрее, чем оценил вариант. Возможность, что другой мужчина выполнит простую отцовскую обязанность надежнее него, оказалась неприятнее риска опоздать.

«Я уеду вовремя», сказал Виктор.

«Тогда поставь будильник».

«Уже».

«Сколько?»

«Один».

Марк посмотрел на него с сомнением, но спорить не стал. Он забрал договор и ушел. Виктор проверил телефон. Напоминание стояло на 17:20, резервное он действительно удалил. До него оставалось больше шести часов.

В монтажной было прохладно. Виктор включил компьютер, колонки и маленькую лампу за монитором. Правая колонка тихо зафонила, затем успокоилась после того, как он поправил кабель. На экране остался открытым проект Верещагина: интервью с бывшим директором приюта. Мужчина два часа объяснял, почему закрытие учреждения не было его решением, хотя никто об этом не спрашивал.

Виктор работал почти без перерыва до половины первого. Убрал повтор, вернул вдох перед неудобным вопросом, укоротил паузу после имени погибшего сотрудника. Длинные паузы люди воспринимали как вину. Иногда справедливо, чаще потому, что не выносили пустого места.

Марк дважды заглядывал, один раз принес бутерброд в бумажном пакете. Виктор съел половину, не заметив вкуса. Потом кто-то во дворе уронил металлический лист. За окном собака гавкнула два раза, замолчала и гавкнула еще раз.

В два часа Виктор открыл папку с архивом и запустил анализ файлов. Программа считала частоты, разрядность, продолжительность и поврежденные участки. На это требовалось около часа. Он поставил наушники и вернулся к Верещагину.

Через двенадцать минут анализ остановился на поврежденном файле. Название состояло из даты, буквы и двух цифр: `g11\_04\_house.wav`. Того самого, который Виктор слушал в метро. Программа считала длительность нулевой, хотя проигрыватель показывал сорок одну минуту. Он создал рабочую копию и проверил заголовок контейнера. В поле размера стояло значение от прежней версии файла, короче на восемнадцать секунд.

Ошибка была обычной для старых переносов. Проигрыватель читал поток до конца, анализатор доверял заголовку и прекращал работу. Виктор исправил копию, сохранив исходник неизменным, и запустил пакет снова. Восемнадцать секунд оказались шумом комнаты после окончания разговора: шаги, скрип стула, щелчок крышки рекордера.

Он прослушал их из профессиональной привычки. Люди часто говорили важное после слова «закончили», когда переставали ждать вопроса. Здесь пожилая женщина спросила у Левина, можно ли забрать фотографию. Мужской голос ответил, что фотография ее и разрешения не требуется.

«Тогда почему она у вас?» спросила женщина. После вопроса запись обрывалась.

Виктор вернул последние восемнадцать секунд в копию и отметил их для Марка. Фраза могла относиться к фотографии, принесенной на интервью, к архивному снимку или к недоразумению. Она не объясняла сон. Но уже показывала, почему автоматическая сортировка опас-

нее ручной: поврежденный заголовок отрезал не шум, а незаконченный спор о принадлежности памяти.

Он открыл карточку интервью. В поле приложений значилось: `фото 3 шт.`. Самих фотографий в папке не было. Подпись участницы читалась не полностью, скан обрезал последнюю строку. Адрес старой набережной совпадал с районом, где снесли четыре дома. Никакой причины связывать его с Виктором не существовало.

Виктор создал таблицу носителей. Двенадцать файлов пришли с цифрового рекордера, сорок три с мини-дисков, остальные были оцифрованы с кассет и двух катушек. Он не объединял их по содержанию, как просил Марк. Сначала разложил по техническому происхождению, чтобы одинаковый шум не показался повторяющимся событием, если на самом деле возник в одном аппарате.

На кассетных файлах обнаружился ровный гул около пятидесяти герц. На мини-дисках его не было. Сонный звук Виктор помнил ниже, но память о частоте не измерялась. Он включил генератор и медленно опустил с шестидесяти герц к сорока. На сорока семи возникло узнавание: не мысль, а напряжение под ребрами.

Он остановил сигнал. Через минуту повторил с закрытыми глазами, начиная снизу. Узнавание пришло на пятидесяти одном. Третья попытка дала сорок четыре. Разброс показал только то, что ожидание способно привязать телесную реакцию к любой низкой частоте в пределах октавы.

Виктор сохранил результаты и подписал: `не использовать как сравнение со сном`. Запрет выглядел смешно внутри папки, которую видел только он. Однако собственная будущая уверенность была таким же ненадежным свидетелем, как чужая.

Программа закончила сортировку в 15:07. Из двухсот восемнадцати файлов двадцать один требовал ручной проверки, семь имели неверную длительность, у трех отсутствовала дата. Никакой общей аномалии не появилось. Большая часть архива была именно тем, чем казалась: плохо подписанной работой людей, которым десять лет назад не приходило в голову, что кто-то будет исследовать их файловую дисциплину.

Марк прислал сообщение с просьбой послушать интервью номер шестьдесят четыре. Виктор отказался открывать его до окончания Верещагина. Через пять минут пришло второе: «Там женщина помнит чужую квартиру». Виктор посмотрел на уведомление, но не нажал.

Сон уже научил его искать похожие слова. Если сейчас открыть нужный файл, каждая кухня станет продолжением первой. Он дописал к таблице критерий: сначала выборка всех упоминаний домов по расшифровкам, затем прослушивание без знания номера. Это заняло бы часы и не давало быстрого ответа. Поэтому казалось правильнее. Он поставил в очередь автоматический поиск слов `кухня`, `окно`, `чашка`, `кружка`, `дождь`, но перед запуском удалил `синяя`. Цвет мог появляться в десятках рассказов, а знание нужного совпадения заставило бы его забыть все несовпавшие случаи. Поиск выдал сто девяносто четыре фрагмента. Виктор закрыл окно результатов до вечера. В 15:22 Полина позвонила из машины. На фоне щелкал поворотник.

«Марк сказал, вы нашли еще один архив и теперь сроки поплывут».

«Срок Верещагина не меняется».

«Он сказал, вы не сможете отдать сегодня».

Виктор посмотрел на оставшиеся маркеры проекта. До финальной версии требовалось около двух часов.

«К девяти отправлю».

«У вас Соня сегодня».

Он не спросил, откуда Полина знает. Вероятно, говорил Марк, когда объяснял переносы на прошлой неделе.

«После восьми смогу закончить дома».

«Мне не нужен выпуск ценой еще одного вашего семейного вечера».

«Это моя организация времени».

«Нет. Это мой заказ. Я могу перенести приемку на утро».

Виктор хотел возразить, что клиент не обязан решать его семейные проблемы. Полина уже продолжила:

«Только не присылайте ночью сырой вариант, чтобы утром сказать, что все равно работали».

Они договорились на десять утра. Виктор записал срок в проекте и закрыл дорожку Верещагина ровно на месте, где остановился. Незаконченный монтаж не исчезал от того, что его оставляли до завтра.

После звонка он обнаружил, что напряжение в плечах ослабло. Помощь раздражала, когда требовала признать предел. Полина не хвалила его за решение забрать дочь и не превращала перенос в одолжение. Она просто изменила срок собственной работы.

К четверем от голоса директора начало тошнить. Виктор снял наушники, вышел в коридор и включил чайник на кухне. Марк уехал на встречу. В студии никого не было, кроме девушки в малой комнате, которая читала рекламный текст и повторяла слово «доверие» с разными интонациями.

Кружки Виктор вчера убирал сам. Он помнил: три на нижнюю полку, две на верхнюю, ручками вправо, чтобы не цеплялись друг за друга.

Он открыл шкаф над мойкой.

Там стояли бутылка средства для стекол, губки и коробка дешевого чая. Виктор отступил, ударившись бедром о стол. Чашки были в шкафу слева от холодильника. Они стояли там с тех пор, как Марк снял помещение.

Виктор посмотрел на свою руку. Она все еще держала ручку верхней дверцы.

Шкаф был нужной высоты. Даже синяк на бедре пришелся туда, где в другой кухне должен был находиться край стола.

Из монтажной через открытые двери тянулся низкий гул правой колонки. Виктор закрыл шкаф, вернулся к компьютеру и убавил громкость. Гул остался.

Он по очереди отключил мониторы, интерфейс и сетевой фильтр. Гул исчез только вместе с вентиляцией, но через несколько секунд вернулся из коридора, где работал холодильник. Одинаковая частота могла связывать сон, архив и студию без всякой тайны. Виктор записал значение спектра и заставил себя открыть проект Верещагина.

Проект оставался на паузе. На экране Верещагин сидел с приоткрытым ртом, собираясь произнести слово, которое Виктор уже слышал десятки раз. Кадр был знаком до каждой складки рубашки. И все же рука снова потянулась не к клавиатуре, а в сторону кухни.

Виктор поставил на стол лист бумаги и нарисовал обе планировки. Студийную кухню обвел черным: дверь из коридора, холодильник, окно во двор, мойка под боковой стеной. Кухню сна нарисовал синим: дверь с другой стороны, холодильник слева, стол под окном, шкаф над мойкой. Он не старался сделать схемы красивыми. Расстояния измерил шагами и подписал отдельно.

При наложении совпали только размеры комнаты и положение окна. В домах этого периода кухни строили по нескольким типовым сериям. Тысячи помещений могли иметь такие же пропорции. Различия были существеннее сходства: в студии труба уходила в угол, во сне проходила внутри стены; здесь дверь открывалась наружу, там внутрь; подоконник во сне был ниже.

Виктор сфотографировал лист, затем перечеркнул линию, где ошибочно поставил батарею. В настоящей кухне радиатор находился под окном. Во сне он помнил синее полотенце, но не сам радиатор. Мозг автоматически дорисовал привычный предмет вокруг детали.

Он позвонил владельцу помещения, Сергею Аркадьевичу. Тот ответил после долгих гудков и сразу спросил об аренде.

«Оплачено до двадцатого», сказал Виктор.

«Я знаю. Просто обычно звонят либо про деньги, либо про трубу».

«Про вентиляцию. Когда ее ставили?»

«До вас».

«Есть план ремонта?»

«У Марка должен быть».

«А до ремонта здесь была кухня?»

Сергей Аркадьевич помолчал.

«Тут была бухгалтерия типографии. Кухня дальше по коридору. Вы ее в аппаратную превратили». «Шкафы над мойкой стояли?»

«Какая мойка в бухгалтерии?»

Виктор объяснил, что пытается найти источник низкочастотного гула. Владелец посоветовал проверить холодильник и не трогать вентиляцию без мастера. Затем вспомнил, что один воздуховод сохранился от типографии и проходит над потолком до старой столовой.

«Она где?»

«Этажом ниже была. Теперь склад бумаги. А что?»

«Ничего. Ищу источник вибрации».

«Если мешает работать, составьте акт. Только не говорите, что это авария, пока мастер не увидит».

Виктор записал слова почти дословно. Обычная техническая причина получила адрес: старый воздуховод, холодильник, помещение бывшей столовой. Он мог спуститься и проверить. Вместо облегчения появилось желание найти там шкаф над мойкой.

Он подождал у двери склада, пока охранник принес ключ. За дверью стояли рулоны пленки, коробки и две разобранные витрины. Окно было заложено фанерой. У дальней стены сохранилась белая плитка и обрезок трубы на высоте пояса. Над ним виднелись четыре отверстия от креплений.

«Здесь раковина была», сказал охранник. «Когда типография работала, они чай тут пили».

«Шкаф висел?»

«Наверное. Отверстия же».

«Какой?»

Охранник пожал плечами.

«Кухонный».

Виктор встал у бывшей мойки и поднял руку. Ладонь легла на фанеру примерно там, где во сне находилась ручка шкафа. Расстояние до стола определить было невозможно: столов не осталось. Холодильник мог стоять в любом углу.

В воздуховоде загудело. Здесь звук ощущался сильнее, потому что пустые витрины отзывались стеклом. Виктор включил анализатор: основной пик находился почти на той же частоте, что наверху. Техническое объяснение подтверждалось.

«Каждый день так?» спросил он.

«Когда вытяжка работает».

«А ночью?»

«Ночью выключают».

Во сне гул существовал утром, но время сна не обязано совпадать с временем внутри него. Виктор спросил, сохранились ли фотографии столовой до ремонта. Охранник сказал, что видел снимки на сайте объявления, когда помещение сдавали, но страницу давно удалили.

«Вам зачем?»

«Хотим понять, куда крепить шумопоглощение». Ложь вышла маленькой и удобной. Она позволяла продолжить поиск без объяснения сна. Виктор услышал, как легко профессиональная причина закрыла настоящий вопрос.

Охранник показал на потолок, где металлический короб уходил к стене.

«Гасить надо там. Только хозяин денег не даст».

Виктор сфотографировал короб и общий вид стены. Перед тем как уйти, снова посмотрел на четыре отверстия. Они образовывали прямоугольник шириной около восьмидесяти сантиметров. Типичный навесной шкаф. Ничего про синюю кружку, женщину или окно.

Наверху он нашел старое объявление через архивную копию страницы. Снимков было шесть. Бывшая столовая попала только в угол одного кадра: белая плитка, край раковины, нижняя часть настенного шкафа. Фасад выглядел серым. Дверца открывалась вправо.

Виктор закрыл изображение до увеличения. Он уже знал достаточно, чтобы память начала перестраивать сон под найденное помещение. Если завтра ему покажется, что шкаф был серым, проверить происхождение этого цвета не удастся.

Он перенес фотографии склада в отдельную папку и назвал ее `возможный бытовой источник`. Затем записал временную последовательность: сон до семи, первый осознанный поиск оконного механизма после восьми, посещение склада после четырех. Цвет шкафа не входил в исходное описание. Бывшая столовая объясняла ошибочное движение руки в студии лучше чужой квартиры: возможно, Виктор видел ее при первом осмотре помещения и забыл.

Он открыл переписку четырехлетней давности, когда Марк присылал варианты аренды. Среди фотографий нашел тот же угол столовой. Изображение было маленьким, но шкаф над мойкой различался. Виктор почти наверняка видел снимок до переезда.

Вот объяснение. Старое изображение сохранилось без сознательного воспоминания, архивная фраза про окно активировала его ночью, синяя кружка пришла из нынешней кухни, женщина собрана из знакомых голосов. Даже движение коленом можно было взять из любого разбухшего окна.

Виктор написал это одним абзацем и почувствовал, как части сна перестают требовать отдельного происхождения. Причина была не красивой, зато полной.

Он перечитал исходную утреннюю запись. В ней звучала узкая полка справа от двери. На фотографии бывшей столовой справа находилась голая стена. Холодильник стоял под окном, а не слева. Стол был металлическим и ровным, без короткой ножки. Объяснение покрывало движение к шкафу, но не планировку целиком.

Виктор добавил к абзацу: `объясняет часть`. Два слова вернули тревогу в прежнем объеме.

Он решил проверить, как часто рука ошибается в других знакомых местах. Закрыл глаза, вышел из монтажной и попытался дойти до выключателя в коридоре. Пальцы коснулись стены на пять сантиметров выше клавиши. В малой комнате он потянулся к ручке двери с неправильной стороны, потому что дверь была открыта. На кухне без сна сразу нашел нужный шкаф. Тело не хранило точной карту даже собственного рабочего места. Оно угадывало по привычке и исправлялось по зрению. Один уверенный жест не мог выдержать вывод, который Виктор хотел на него положить.

Он вернулся к схеме и рядом с совпадениями записал ошибки контрольного маршрута. Страница стала менее эффектной и более полезной.

В 16:37 на телефоне сработало напоминание о резинке Сони. До встречи оставалось больше полутора часов. Виктор достал резинку из рюкзака, положил в наружный карман куртки и сфотографировал. Потом понял, что перенес предмет из места, где он точно лежал, в место, откуда мог выпасть.

Он вернул резинку в рюкзак и прикрепил к внутреннему карабину. На снимке она осталась в прежнем кармане. Изображение уже показывало устаревшую правду через несколько секунд после создания.

Виктор удалил фотографию и написал одно слово: `карабин`.

До конца дня он трижды ловил руку на движении к шкафу над мойкой. Каждый раз останавливался раньше ручки. К вечеру ошибочный жест начал казаться привычнее правильного.

Марк вернулся без куртки, держа под мышкой пачку документов. Увидел две схемы кухни на столе и решил, что Виктор размечает акустику.

«Мы переносим мойку?»

«Проверяю вентиляцию».

«Для этого обычно рисуют воздуховод».

Виктор показал фотографию склада и основной пик гула. Про сон не сказал. Если рассказать сейчас, Марк немедленно откроет весь архив и найдет женщину, синюю чашку или нужное окно. Он умел искать подтверждение с энергией человека, которому совпадение уже обещало историю.

«Старый короб», сказал Марк. «Я просил хозяина снять его еще при переезде».

«Ты видел столовую до ремонта?»

«Конечно. Там пахло капустой и проявителем».

«Шкаф помнишь?»

Марк посмотрел на кухню, потом на схему.

«Зеленый».

На архивной фотографии фасад был серым. Освещение могло менять цвет, а Марк мог путать его с другим помещением.

«Где стоял холодильник?» «У двери».

На снимке холодильник находился под окном.

«Почему спрашиваешь?» «Хочу понять, что осталось от старой планировки».

«Ничего не осталось. Поэтому мы и сняли помещение».

Марк положил документы и снова посмотрел на лист. Виктор накрыл синюю схему блокнотом. Жест был слишком заметным.

«Тебе эта кухня приснилась?» спросил Марк.

Виктор не успел решить, что именно его выдало.

«Почему приснилась?»

«Потому что нормальный человек не меряет чужую мойку после четырех лет аренды».

Виктор рассказал только про шкаф и утреннее ошибочное движение. Не назвал женщину, скол, устройство окна и ощущение чужой привычки. Сокращенная версия звучала как обычное дежавю.

Марк выслушал без шутки.

«В архиве есть дома», сказал он. «Ты вечером слушал».

«Я тоже так думаю».

«Тогда что проверяешь?»

«Насколько именно так думаю».

Марк попросил показать утреннюю запись. Виктор отказался.

«Потому что там личное?»

«Потому что после прослушивания ты начнешь искать мои слова, а не свои наблюдения».

«Какие у меня наблюдения? Ты потянулся не к тому шкафу».

«Вот это и запомни».

Марк повторил вслух время, положение руки и то, что Виктор рассказал ему после проверки старой столовой. Виктор записал его пересказ отдельно. Уже в нем движение стало уве-

реннее: Марк сказал, что Виктор «открыл» неправильный шкаф, хотя пальцы только коснулись ручки.

«Я не открыл».

«Какая разница?»

«Пока не знаю».

Он исправил фразу в заметке, но оставил первоначальный вариант Марка рядом. Так возникла история: небольшое движение становилось законченным действием, потому что законченные действия легче пересказывать. В 16:51 Виктор закрыл архив, вынул рабочий диск и убрал его в ящик. Марк напомнил про Верещагина. Виктор назвал новый срок и переслал сообщение Полины. Марк хотел возразить, прочел ее формулировку и только спросил, почему заказчица обсуждает расписание Сони. «Потому что ты ей рассказал».

«Значит, не зря».

Виктор надел куртку, проверил резинку на карабине и маршрут до школы. До выхода оставалось двадцать девять минут. Он мог уйти сразу и приехать слишком рано. Вместо этого поставил таймер на пятнадцать минут и открыл список поврежденных архивных файлов, чтобы подписать уже найденные технические причины.

На первом стоял неверный заголовок. На втором отсутствовал канал. На третьем дата была создана позже самой записи. Ни одна ошибка не требовала тайны, чтобы быть настоящей.

Таймер еще не прозвучал, когда рука снова двинулась к шкафу над мойкой.

На этот раз Виктор не остановил ее. Открыл дверцу и увидел средство для стекол, губки и коробку дешевого чая. Подержал дверцу несколько секунд, позволяя телу получить правильное продолжение движения, затем закрыл.

Он не понял, исправил привычку или закрепил ее.

Виктор выключил свет на кухне. В темном стекле остались его плечи и прямоугольник открытого коридора. На секунду отражение показалось женским из-за куртки, висевшей на спинке стула. Он включил свет обратно и проверил: старая куртка Марка, смятая у воротника. Никакого лица.

Он записал и это, хотя обычное объяснение нашлось сразу. Журнал, в котором сохранялись только необъяснимые случаи, неизбежно доказывал бы существование необъяснимого. Поэтому рядом со сном должны были остаться куртка, вентиляция, архивная фотография столовой и ошибочная станция метро.

Таймер прозвучал в 17:06. Виктор сохранил список, закрыл шкафы и вышел из студии. У лестницы вернулся проверить дверь монтажной. Она была заперта. Второй раз возвращаться не стал.

В кармане лежал телефон с напоминанием о боковом входе. В рюкзаке была Сониная резинка. Между двумя простыми фактами оставалось достаточно времени, чтобы выполнить обещание без объяснений.

На улице он сверил часы с телефоном. Разница составляла меньше минуты. Виктор не стал исправлять механические часы: секундная стрелка шла, а точность до минуты ничего не меняла. Важно было выйти вовремя и не забыть, зачем он сам вышел.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.